

der Eurozigeuner - шутиловое наименование лиц, совершающих разнообразные поездки по странам Европы (евроцыгане)

die Europamüdigkeit – “евроусталость”

der Europessimismus – “европессимист”

der Euroskeptiker – “евроскептик”

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов данной работы на занятиях в вузе (на практических занятиях студентов филологических и гуманитарных специальностей, а также на спецсеминарах по страноведению ФРГ).

МОМЕНТ РОЖДЕНИЯ: ОТ ВНУТРИГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ – К ПОЯВЛЕНИЮ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

К.Д.Бутров

г. Екатеринбург (Россия), УГУ

Исследуя средневековую европейскую цивилизацию, вряд ли возможно будет с точностью указать миг ее рождения – длительный процесс образования варварских королевств, в ходе которого выковывалась политико-территориальная система, оставшаяся, по сути, неизменной до наших дней, а также не менее длительный процесс распространения в этой системе единой религии – христианства римского образца (не считая Византии, России и ряда балканских стран). Однако можно с очень большой точностью указать дату если не ее исчезновения, то, по крайней мере, того момента, когда эта единая цивилизация трансформировалась в две культурные общности, тесно связанные друг с другом, но в то же время взаимно враждебные и, можно сказать, идеологически агрессивные, при этом являющиеся частями единой системы. Этой датой, по нашему мнению, является 31 октября 1517 г., когда Мартин Лютер прибил свои знаменитые «95 тезисов» на дверях Замковой церкви в Виттенберге. «Тезисы» – это ряд положений, доказывавших, что покаяние требует внутреннего перерождения человека (прообраз утверждения об оправдании *sola fide*), и что всякий внешний акт для примирения с богом (денежные пожертвования и т.п.) недействителен. Любой истинно раскаявшийся христианин получает полное отпущение греха и наказаний.

Этим знаменательным событием можно обозначить наступление эры конфессионального противостояния, охватившего всю Европу. Трудно сказать, можно ли применять к странам, где в XVI в. широко распространился протестантизм, термин «цивилизация», потому что различий между протестантской и католической культурными общностями (субцивилизациями?) на самом деле было не так уж и много, и протестантская система не являлась полным отрицанием предшествующего опыта (как иногда кажется). С другой стороны, все-таки можно говорить и о некоем цивилизационном расколе; в этом контексте Тридцатилетняя война предстает именно как конфликт двух цивилизаций [1]. Кроме того, религиозное противостояние оказалось очень сильно политизировано. Не вступая в дискуссию по поводу правомочности употребления тех или иных терминов (для большей ясности мы все же используем в данной статье термин «цивилизация»), мы хотели бы подчеркнуть значимость этой последней особенности.

Особенность эта ярче всего проявила себя в Германии. Именно здесь ни одному из лагерей не удалось добиться явного преимущества, что и было закреплено в 1555 г. Аугсбургским религиозным миром.

Нас интересует именно влияние на историческую судьбу Реформации хитроумного стечения факторов преимущественно политического характера (подчеркнем – не обязательно формировавшихся изменений в сознании людей, сыгравших, надо думать, главную роль в распространении всех разновидностей протестантизма, а именно «факторов короткого действия», которые по итоговому значению не могли сравниться

с Реформацией). Иными словами, интересно проследить, как случайный набор одновременно действовавших факторов в сочетании с личными талантами Лютера-политика позволили родиться новой мировой религии и — шире — цивилизации. Мы не отрицаем того, что это рождение вполне могло бы произойти раньше или позже, и приняло бы тогда другие формы. Но вряд ли когда-либо судьба целой цивилизации зависела от захватывающей интриги Лютера против католической церкви, переплетающейся с политическими конфликтами в Германской империи и вокруг нее.

При этом мы вовсе не стремимся свести все дело к обычной интриге. Она лишь послужила средством для реализации более важных целей, которые мы не ставим под сомнение. Все же, появление на свет грандиозного «нового видения» религии, нового учения о том, как должен жить христианин, было одновременно и политической интригой, в которой участвовали Лютер со своими единомышленниками, князья, император, папа Римский и многие другие, и исследования заслуживают оба эти аспекта, хотя первый из них — причина, а второй — следствие. Однако именно на втором из них мы хотим остановиться, поскольку нас интересует, как именно *политическая по методам* (хотя и теологическая по содержанию) борьба Лютера с римским престолом привела к небывалым сдвигам в общественном сознании.

Политическая ситуация на сей раз была такова: старый император Максимилиан стремился передать престол своему внуку Карлу Габсбургу, королю испанскому. Однако этот престол у него оспаривал могущественный соперник — король французский Франциск I. Так на этом этапе Реформация превратилась еще и в фактор политической предвыборной борьбы за престол Священной Римской империи.

Немецкие князья в основном поддерживали Карла (они предпочитали еще никак себя не проявившего юного Габсбурга известному своей воинственностью Франциску), но это их предпочтение могло быть изменено с помощью французского золота. Уже в 1517 г. француз вступил в сношения с четырьмя курфюрстами: с Ричардом Трирским, Людвигом Пфальцским и Гогенлоллернами — Исаакием и Альбрехтом^[2]. Французы использовали не только деньги, но и брачные проекты. Впрочем, и у Максимилиана I был еще не один туз в рукаве. Этими тузами была финансовая поддержка Фуллеров и Вельзеров, которые помогли вернуть князей на сторону императора. Кроме того, Максимилиану удалось посредством брачной дипломатии привлечь на свою сторону бранденбургских Гогенлоллернов. Пфальцграф Людовиг по совету своего брата Фридриха поддержал императора (заметьте, что этот «братский» совет обошелся Максимилиану недешево). Так испанский король получил большинство: курфюрсты майнцский, пфальцский, кельнский, трирский и бранденбургский обещали поддержать его кандидатуру на выборах. К ним присоединился и польский посланник, представлявший интересы несовершеннолетнего Людовика Богемского. Так обстояла ситуация на момент проведения рейхстага в Аугсбурге в 1518 г. Правда, вскоре она вновь поменяется: 12 января 1519 г. Максимилиана не станет.

Как видим, все эти обстоятельства не касались религиозных проблем и вряд ли сами по себе могли привести к таким значительным сдвигам, как рождение новой цивилизации. Но именно они позволили Мартину Лютеру реализовать свою теологическую программу «исправления христианства». К этому времени он уже был приглашен (в ноябре 1508 г.) саксонским курфюрстом Фридрихом Мудрым для чтения лекций в недавно основанном Виттенбергском университете.

После появления «5 тезисов», которые, как известно, были реакцией Лютера на попытку доминиканского агента Тецеля продавать индульгенции лютеровским прихожанам, по всей Германии с новой силой вспыхнули ожесточенные споры. Почва уже была достаточно подготовлена движением гуманистов и такими неосмотрительными действиями римской курии, как «дело Рейхлина». Однако в этой ситуации Лютер проявляет свою политическую дальновидность. Он публично заявляет о нежелании вступать в острую полемику. В ответ на нареkania со стороны официальной церкви (они, естественно, последовали — и в виде 106 антитезисов Тецеля, и в виде «Диалога» — ответного письма Лютеру Сильвестра Мазолини да Приера — главного папского советника в делах веры) Лютер настаивал на проведении диспута в Герма-

нии, с судьбами из числа немцев. На требование явиться в Рим для объяснения Лютер не откликнулся. Заявление о желании лишь академического диспута в этом контексте приобретает смысл выжидания: как-то себя покажет официальная церковь? Ведь Тезисы содержали лишь самые общие положения, а уж заявления о нежелании выносить спор на широкую публику и вовсе должны были на время оградить Лютера от жестокого преследования. Он хотел в ходе затянувшихся диспутов заставить римскую церковь «фаскриться», вынудить ее на максимально незлые ходы. Отлично понимая, какой явится реакция официальной церкви на его Тезисы, Лютер предвидел, что *полноценного* диспута организовано не будет.

Действительно, диспут Лютера с папским легатом, кардиналом Кастаном в Аутсбурге (октябрь 1518 г.), назвать полноценным трудно: стороны попросту не желали вникать доводам друг друга. В феврале 1519 г. папская курия, кажется, убедила строптивца замолкнуть: посланник из Рима карл фон Мильтиц смог уговорить Лютера приостановить критику и даже написать опровержение на «Тезисы».

Но радоваться победе было еще рано: летом 1519 г. против Лютера выступил почтенный профессор богословия Иоганн Экк, который напал на идеи Лютера (правда, выступив против одного из сторонников Лютера, Андреаса Карашпата). Но Лютер счел это достаточным, чтобы вновь «открыть огонь». На Лейпцигском диспуте (27 июня – 15 июля) Лютер открыто выступил за гуситское учение и даже отверг авторитет Соборов. Это означало, что теперь никакого пути к примирению нет. Лютер переходит к тактике беспрерывных нападок на католическую церковь, пользуясь поддержкой со стороны германского рыцарского движения. Теперь дело представляло так, что Лютер представлялся жертвой, а папская курия – агрессором, спровоцировавшим его. В *открытом* письме папе Льву X (датированном 6 сентября 1520 г.) Лютер жаловался, что сам он стремился к примирению: «Я ненавижу раздоры. Я никому не буду бросать вызов. С другой стороны, я не хочу, чтобы другие бросали вызов мне»[3]. Но здесь же он подчеркнул: «Все, что бы ни делалось плохого, происходило по вине Экка, который взял себе задачу не по силам. Безрасудно стремись к собственной славе, он открыл позор Рима всему миру. Этот человек – ваш враг, мой дорогой Лев, или, скорее, враг вашей курии»[4]. Далее Лютер писал о собственных заявлениях на диспуте: «Мы не услышали бы ничего из этого, если бы Экк не нарушил мирный договор, установленный Карлом [фон Мильтицем] и мной»[5]. Возможность договориться существовала якобы еще во время Аутсбургского рейхстага, но была упущена по вине «глупого и ничтожного» Кастана.

Если добавить к этому то, что римской курии не удалось предотвратить избрание Карла Испанского императором, то становится очевидно: Рим терпит полное поражение.

Лютер выпускает работу за работой, в которых беспощадно атакует папскую курию. Попытка поставить осмелевшего еретика на место с помощью грозного оружия – папской буллы об объявлении Лютера еретиком, которую Экк самовольно привез в Германию – провалилась.

Книга Лютера «О вавилонском пленении церкви» вышла в свет в начале октября, а папская булла лишь 21 октября оказалась вывешена в Мейсене для всеобщего обозрения.

Вначале Лютер делал вид, будто считает ее полой. Однако вскоре из-под его пера выходит сочинение «Против буллы антихриста», а затем из Эбернбурга, замка одного из рыцарских вождей Франца фон Зиккингена, где рыцари устроили собственную типографию, вышла «Булла ревущего Льва», с язвительными примечаниями Ульриха фон Гуттена. Все это оказало влияние на тот прием, который оказался булле в Германии. Курфюрст Фридрих, например, отказался выполнить волю папы, пока не будет доказана виновность Лютера. Тогда-то Лютер и решился на неслыханно смелый шаг: 10 декабря 1520 г. торжественное шествие из студентов и профессоров, приглашенных реформатором, направилось к Эльстерским воротам Виттенберга, где Лютер предал папскую буллу (и ряд наиболее ненавистных ему канонических произведений) сожжению. По всей Германии прокатилась волна подобных действий: буллу топили, срывали, жгли.

Решающим шагом в этой борьбе была попытка Лютера и его покровителя – саксонского курфюрста Фридриха Мудрого – апеллировать непосредственно к императору на Вормском рейхстаге 1521 г. В случае успеха, наверное, вся мировая история изменила бы свое течение, а драматический раскол был бы преодолен. Однако, император вначале рассчитывал вести себя по отношению к Лютеру терпимо, в пику папской курии, но

вскоре переменял точку зрения, рассудив, что союз с папой будет выгодней (ибо кроме Германии Карл управлял еще Испанией и Италией, где господство католицизма даже и сомнению не подвергалось; кроме того, император мог бороться с папой, но при этом не мог отвергать его авторитет. Между императором и папой, как главой *светского государства* в Италии, имели место конфликты, например, в ходе Итальянских войн, но Карл V не мог пытаться оспаривать *духовный* авторитет папы, поскольку идеологически императорская власть была взаимосвязана с папским престолом). К тому же папа доказал свое стремление к союзу предупредительностью по поводу вопросов Карла об испанском инквизиционном суде. Император дал приказ доставить Лютера не в Вормс, где должен был пройти рейхстаг, а во Франкфурт, да и то лишь, если он отречется.

Однако подобный план реализовать не удалось. Лютер пользовался слишком большой поддержкой широких масс населения. Теперь он был не просто мятежным монахом, которого можно было бы подвергнуть «дисциплинарному взысканию», но «немецким титаном», оскорбление которого могло бы дорого стоить императорской или папской власти. Диспута в Вормсе, конечно, не получилось, но одно то, что имперские чины отказались рассматривать ряд экономических вопросов, предпочтя им обсуждение проблемы Лютера, о многом говорит.

Тогда-то и прозвучали знаменитые слова: «... я не верю ни папе, ни соборам, так как ясно, что они много раз заблуждались и говорили против себя самих... не могу и не хочу ни от чего отречься, потому что поступать против совести трудно, бесполезно и опасно»[6]. А когда после этого ошеломленный папский легат попробовал вступить за авторитет понтифика, Лютер произнес знаменитое: «На том стою и не могу иначе. Помогите мне бог!».

После этих слов разгневанный Карл покинул зал рейхстага, а Лютер вышел, сопровождаемый свистками и негодованием испанских дворян из императорского окружения, со словами: «Я все покончил!».

Очевидно, что, отправляясь в Вормс, Лютер рассчитывал на компромисс с императорской властью. Дело в том, что кроме идеи оправдания христианина («только верой» (*sola fide*)), Лютер выдвинул целый ряд идей о реформации всего церковного устройства. В своей программной работе «К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства» (август 1520 г.) он описывает «три стены», которые надежно обеспечивают власть папы Римского: власть духовная выше светской («духовное выше мирского»); никто, кроме Папы, не имеет права толковать Священное писание; никто, кроме Папы, не имеет права созывать Соборы и руководить ими. Именно первую из этих «стен» Лютер и низвергает своим тезисом, что «все христиане принадлежат к духовному сословию», а точнее — что, «поскольку светские владыки крещены так же, как и мы, и у них та же вера и Евангелие, мы должны позволить им быть священниками и епископами». Как следствие этого, папа и две оставшиеся «стены».

Именно в этом пункте Лютер мог рассчитывать на сочувствие императора: тезис о неправомочности деления власти на духовную и светскую, ибо вся власть — от Бога. Кто же, как не император, глава той самой «немецкой нации», к которой апеллирует Лютер, должен вмешаться «для наказания злых и защиты благочестивых»? Недаром сам реформатор считал империю «исконно немецким» учреждением, и сestal на «папистов», незаконно ее у немцев похитивших: «Почему же мы, немцы, позволяем себя так дурачить и дразнить?»[7]. Но именно потому, что к этому моменту император был уже не главой «немецкой нации», но прежде всего сеньором доменных территорий Габсбургов (куда входили, кроме Австрии, области Италии и Испании), а также потому, что титул императора был издавна связан с божественным титулом понтифика (недаром когда-то Шарлемань короновался в Риме), идеи Лютера оказались неприемлемыми для Карла V. Прийти к согласию в Вормсе не удалось, и Германия на долгие годы была охвачена ожесточенными религиозными войнами.

Исходной идеей Лютера была мечта о сплочении немцев вокруг церковной реформы для противостояния «арабам» римского престола. Однако в итоге Реформация расколола страну на враждующие стороны. Уже сам Лютер задал религиозной дискуссии непримиримый тон. После Вормса найти компромисс было практически невозможно, потому что кроме религиозных разногласий внутри Германии действовали и иные общественно-политические факторы — борьба императора и князей, как и князей друг с дру-

гом, постоянная угроза вмешательства соседних государств, волнения социальных низов, вылившиеся в различные сектантские движения. Кроме того, в самом протестантизме очень скоро возникают противоборствующие течения, что было обусловлено отсутствием в нем строгой иерархической системы. Все это создавало невозможность переговоров между враждебными сторонами и влекло за собой постоянные конфликты.

С самого начала Реформация, как мы видели, оказалась не только движением «духовного обновления», но и частью сложной политической комбинации. Кроме того, судьба ее в значительной степени зависела от политического таланта единственного человека — Лютера. Естественно, что в таких условиях единения немцев не произошло, и каждый последующий год отдалял эту мечту.

Трагизм ситуации заключался в том, что движение, призванное объединить нацию, в дальнейшем само и превратилось в важное препятствие на пути этого объединения, привело страну к ряду ожесточенных внутренних войн. Само лютеранское движение скоро впадо в кризис, и в молодых буржуазных республиках протестантизм утвердился в форме кальвинизма. В Германии же политика в XVI, XVII и XVIII вв. явно восторжествовала над религией. Яркий пример тому — действия прусского короля Фридриха II: «король-философ», сам не будучи человеком религиозным, во время Семилетней войны объявлял, будто бы австрийский фельдмаршал Даун получил от папы Римского священные шляпу и шпагу, стреляя тем самым «разжечь ярость во всех, кто имеет хоть слабую склонность к Мартину Лютеру» [8]. Все же, Лютер до конца земного пути сохранял свои авторитет и влияние.

Реформация и возникшая с ней протестантская цивилизация постоянно были вовлечены в разного рода политические комбинации (так, в ходе Английской революции и вовсе будет невозможно провести грань между политиками и богословами: политическая позиция по сути и становится позицией религиозной). Эти комбинации в известной степени были причиной появления этой цивилизации. И невозможно не удивляться той искусности, тому мастерству, с какими действовал Лютер, пытаясь осуществить поставленную сверхзадачу в 1517 — 1521 гг., используя благоприятную политическую конъюнктуру в интересах Реформации и по необходимости позволяя другим использовать себя как орудие для достижения куда меньших по масштабу и последствиям целей, чем та, которой он посвятил свою жизнь.

[1] Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. — М.: Мысль, 1991. С. 18.

[2] Бецольд Ф. История Реформации в Германии. — СПб.: Изд. А.Ф.Пантелеева, 1900. С. 196.

[3] Лютер Мартин. Избранные произведения. — СПб.: Санкт-Петербургский Центр христианской лит-ры и информации, 1997. С. 11.

[4] Там же. С. 10.

[5] Там же.

[6] Лампрехт К. История германского народа. Т. 3. — М.: Изд. К.Т.Солдатенкова, 1896. С. 203.

[7] Лютер Мартин. Избранные произведения. — СПб.: Санкт-Петербургский Центр христианской лит-ры и информации, 1997. С. 57.

[8] Эпштейн А.Д. История Германии от позднего Средневековья до революции 1848 г. М.: Изд. ИМО, 1961. С. 272.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В «ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ» (1933-1945 ГГ.)

А.В. Курьянович

г. Минск, БГУ

Феномен германского фашизма есть и будет объектом пристального внимания историков, как в самой Германии, так и за рубежом. Благодаря многочисленным исследованиям можно подробно проследить истоки, эволюцию и финал гитлеровской системы, ее идеологии и практики. Учеными также созданы фундаментальные труды, в которых идет речь о роли нацизма в важнейших сферах общественно-политической жизни Германии [1]. Более того, в современной германской историографии весьма значимым и популярным является такое направление как история повседневности (Alltagsgeschichte), сторонники которой изучают проблему восприятия нацизма на бытовом уровне, «изнутри» [2].